

РУССКО-ПОЛЬСКИЙ ДИАЛОГ В ТВОРЧЕСТВЕ В. ХЛЕБНИКОВА

В. А. Редькин

Тверской государственной университет
кафедра филологических основ издательского дела и документоведения

Особенностью художественного сознания В. Хлебникова является его явное пристрастие к русскому национально-историческому времени и национальному пространству. Но национальное у Хлебникова как бы расширяется на весь земной шар, в духовном плане включая в себя католицизм и протестантство, язычество и православие, буддизм и мусульманство. При этом польская культура воспринимается В. Хлебниковым как что-то самое родное и близкое, поэтому в свой эпический мир поэт включал и Польшу, которая становится одной из мифологем, позволившая ему на различных структурных уровнях утверждать русскую национальную идею всеединства. Велимир Хлебников даёт слово полякам с их идеей свободы и независимости, способствуя взаимопониманию народов и преодолению накопленных в историческом времени обид и недоразумений.

Ключевые слова: Велимир Хлебников, русская идея всеединства, Польша, диалог культур, свобода, независимость, природа, история, Марина Мнишек

В. Хлебникову свойственно эпическое мышление, масштабное во времени и пространстве, космическое, планетарное, историко-философское при всём его мифологизме. Незримые связи мира, предполагаемые, подсознательно ощущаемые или рационально, не без доли утопизма, вычисленные, выражаются у В. Хлебникова развёрнутой метафорой, сложной, опосредованной ассоциацией, мифотворчеством, откровенной фантазией, сказкой, притчей и т.д. Характерна мысль, выраженная ранее А. А. Потебнёй: «Как ни назовём великую связь причин и следствий Богом или роком, миром, – всё равно она в целом иррационалистична, недоступна нашему пониманию» [3, с. 450].

Особенностью художественного сознания В. Хлебникова является его явное пристрастие к русскому национально-историческому времени и национальному пространству. Но национальное у него как бы расширяется на весь земной шар, в духовном плане включая в себя католицизм и протестантство, язычество и православие, буддизм и мусульманство. Воспевая в поэме «Хаджи-Тархан» православный собор («И к белым и ясным ночным облакам высокий и белый возносится храм» [8, с. 249]), поэт тут же отдаёт дань иным конфессиям: «Ах, мусульмане те же русские, // И русским может быть ислам. // Милы глаза, немного узкие, // Как чуть открытый ставень рам» [8, с. 248]. В духе философии «общего дела» Н. Ф. Фёдорова здесь соединены в родственном единстве эпохи, народы и мировые религии.

Кстати, в произведениях В. Хлебникова нет богоборчества в подлинном, атеистическом или сатанинском смысле этого слова. Напротив, всё прекрасное в мире освящено божественным именем. Синие глаза в поэме «Поэт» словно сошли с иконы, а «*священная живопись храма*» ассоциируется с «*праздником поцелуя*» [8, с. 265]. Победа тех, «кто без креста», о которой речь идёт в ряде послереволюционных произведений В. Хлебникова, не вызывает у него восторга. Страдающий поэт с позиций персонафицированной, обожествлённой природы не приемлет страданий человечества. Именно поэтому он ощущает себя в «Каменной бабе» «*последним живописцем земли неслыханного страха*» [8, с. 255]:

Я каждый день жду выстрела в себя.

За что? За что? Ведь всех любя,

Я раньше жил, до этих дней,

В степи ковыльной меж камней [8, с. 255].

Поэт – «вечный узник созвучий», которые воспринимаются как объективная божественная данность. Безбожие в этом контексте воспринимается как что-то ненормальное, уродливое. Это болезнь, судорога: «*И будто судорогой безбожья // Его закутан гордый рот*» [8, с. 217]. Переводя время в единое пространство национальной жизни, автор видит в нём существующими рядом и языческих богов, и чтимых в христианстве святых. Не случайно в лиро-эпическом произведении «Поэт» герой-повествователь обращается к русалке со словами, необычайно поднимающими статус этого фольклорно-мифологического персонажа: «*Тогда рукою вдохновенной // На Богоматерь указал. // “Вы сёстры. В этом нет сомнений // Идите вместе, – он сказал. – // Обеим вам на нашем свете // Среди людей не знаю места // (Невеста вод и звёзд невеста)”*» [8, с. 271].

В системе ценностей В. Хлебникова высшие сферы всегда занимает духовное начало. Поэтому понятия веры, Всевышнего, благословения, Неба, священного служения становятся в его поэзии первообразами и перво-словами духовного состояния мира. И сам поэт ощущал себя порой «священником цветов». Связь духа художника с природными, социальными и нравственными явлениями он устанавливал, как абсолютно достоверный «научный» факт. Так или иначе, он перекидывал мостик от науки к мифу, а от мифа к науке и всё это заключал в глубинную концепцию своих произведений. Поэзия воспринимается им как проект будущей жизни, а поэты-«творяне» – как её творцы. С русской религиозной философией его роднит нравственный, а не социально-классовый подход к истории. При этом слово «русский» символизирует мир страдающего добра и потенциальной доблести, укоренённой в героическом прошлом. «*Вспоминая, что русские величали своих искусных полководцев именем сокола... мы начинаем знать, кто были учителями русских в военном деле*», – размышляет поэт [8, с. 187], и свой мир для него – это мир соколов и орлов, лебедей и лосей, слонов и медведей, тюленей и буйволов, это мир красивых и гордых, но унижаемых людей и животных. А чужой – это мир уродства, духовной нищеты и кровожадной силы, «*где немец ходит пить пиво, а красотки – продавать тело*» [8, с. 185], «*где обезьяны разнообразно злятся и выказывают разнообразные концы ту-*

ловища» [8, с. 185], где властвуют тигры и нетопыри. Эпический мир поэта – это трогательный и милый мир нереализованных возможностей.

В свой эпический мир В. Хлебников включал и Польшу, которая, судя по его творениям, занимала особое место в творческом сознании поэта. Фактически она становится одной из мифологем, которая позволяет ему на различных структурных уровнях утверждать идею всеединства. При этом здесь имеется в виду целостность, связанная с традиционно национальным образом мира, о которой писал В. С. Соловьёв. *«Я называю истинным, или положительным, всеединством такое, – подчёркивал он, – в котором единое существует не за счёт всех или в ущерб им, а в пользу всех»* [6, с. 63].

С одной стороны, Польша оказывается в числе стран (Китай, Индия, Иран, Япония и др.), на примере которых показывалось историко-биологическое единство жизни Земли. С другой стороны, объединяя мысленно Европу, Азию и Африку, поэт ставил славянство на особое место, подчёркивая, что Азийский голос – «железно-медный», Африканский – «серебряный звук», а славянский – «золотой». *«Славянское чистое начало в его золотой линовости»* [8, с. 36]. И в стремлении свободно плавить славянское слово, выявляя исконные звуки праязыка, он не мог не обратиться к речи поляков и полабских славян.

В. Хлебников особый, сакральный смысл придавал числу. Но, заменяя подчас веру мерой, он и в числе способен видеть душу, не случайно у него возникает образ рыдающего числа. По его мысли, каждые 28 лет истина меняет свой знак. И приводя в пример этого «закона поколений» ряд «величавой веры» и «жалкого неверия» в Русь (Коченовский – Одоевский – Тютчев – Блаватская), Велимир Хлебников тут же вспоминает эволюцию идеи национально-освободительного движения в Польше, разделяя и связывая имена Костюшко и Юлия Словацкого цифрой 28, умноженной на 2 [8, с. 648]. Обнаруживая цифру 413, как время соединения и разделения государств, в знаменитом произведении «Учитель и ученик», поэт соотносит Куликовскую битву с разделом и присоединением Польши [8, с. 588]. Рассуждая *«о расширении пределов русской словесности»*, автор не раз сетует, что *«она мало затронула Польшу»* [8, с. 593], и в письме к А. Е. Кручёных ставит перед собой цель решить эту задачу.

«Мозг земли не может быть великорусским, лучше, если бы он был материковым», – размышляет поэт [8, с. 593], и в этом приобщении Руси к вселенскому миру Польше он отводит особую роль, как проводнице света с Запада. *«Через Польшу, – по его словам, – Украина была доступна лучам Запада, что давало ей особую от Московского государства природу и вызвало Мазепу»* [8, с. 646], единство дало «окно в Европу» Петра I, которое, по мысли автора, уравнило народные ориентиры. *«Сноп одинаковых лучей Запада прошёл через обе половины народа»*, – пишет он в статье «Спор о первенстве» [8, с. 647].

Польша в сознании В. Хлебникова ассоциируется с «ветром свободы». Польское восстание он вводит в круг планетарных событий:

День мировой непогоды!

И если восстали поляки,
Не боясь у судьбы освистанья,
Щёку и рот пусть у судьбы раздирает свисток,
Пусть точно дуло, точно выстрел суровый,
Точно дуло ружья, смотрит угрюмый Восток
На польского праздник восстанья [8, с. 491].

Подобные образы возникают у поэта в трёх «сверхповестях»: «Зангези», «Дети Выдры», «Война в мышеловке». Впрочем, поэт обращается к историческим событиям и иного рода. В стихотворении «Мы желаем звёздам тыкать...» Острица символизирует восстание 1638 года украинцев против польского владычества. Однако характерно, что, обращаясь к традиционному для песен гайдамаков мотиву разгула кровавых страстей, когда *«панов сплавляли по рекам, а дочери ходили по рукам»* [8, с. 79], автор стремится дистанцироваться от их исполнителей, вводя в произведение отрезвляющий голос, выражающий явные симпатии к шляхетству: *«– Нет, старче, то негоже: // Парча отстоит от рогожи»* [8, с. 79]. Больше того, лирический герой и сам подчас ощущает себя в мире «шляхтичем на сейме». Он готов, *«руку положив на рукоятку сабли, тому, ответ желаний чей мы, мира осям»*, т.е. самому Богу, самой Природе, крикнуть: *«Не позволяем!»* [8, с. 73]. Возможно, такое мироощущение было связано с тем, что корни поэта по материнской линии (Екатерина Вербицкая) уходили в Сечь и далее на Запад. Не случайно Польша и Сечь в поэме «Марина Мнишек» оказываются в одном стане.

Польская культура в творческом сознании В. Хлебникова жила как что-то самое родное и близкое. Не случайно, считая М. А. Врубеля великим художником, он называл его Мицкевичем в живописи. В «Зангези» автор, опираясь на аллюзию из пушкинского «Бахчисарайского фонтана», воссоздает образ Потоцкой, как символ неисчерпаемого человеческого горя. А в «Детях Выдры» Коперник оказывается *«на острове высокого звёздного духа»* [8, с. 453] в ряду самых выдающихся деятелей Земли.

Особенно впечатляет развёрнутая метафора поэмы «Синие оковы». Польша символизирует для В. Хлебникова не только идеалы вольности и красоты, но и высокой духовности, воплощающейся в её чарующей музыке. Прекрасная фортепьянная импровизация, *«бросая за чарами чары вал»* [8, с. 364], становится воплощением единства и гармонии всех народов планеты: *«...Дальше и больше, // Дальше и дальше, // Пальцами Польши, // Чёрных и белых народов // Уносят лады // В голубые ряды, // Народов, несущихся в праздничном шуме // Без проволочек и проволочек»* [8, с. 364]. Мир, как *«сотнями стонными проволочек ящик»* [8, с. 364], полон боли и страданья.

Глубоко гуманистическая, антивоенная мысль заключена в поэме «Берег невольников», где по мановению «жирного пальца мирового зла» идёт всё *«более и более орд в окопы Польши»*, и *«Колосья синих глаз, // Колосья чёрных глаз // Гнёт, рубит, режет // Соломорезка войны»* [8, с. 341]. Если В. Хлебникову нужно выразить абсурдность и невероятность ситуации, то она будет сравнима с Варшавой, у которой отобрали бы Прагу [8, с. 208], если надо преодолеть рефлексии и утвердить мысль, что новый че-

ловец, пришедший в мир, «не Хам, а Сам», то и тут поэт заявляет: «Отгоним Собеским Яном от Вены» [8, с. 171]. Польша для В. Хлебникова становится ярким примером пульсации истории, символом «маятника судьбы»: «На белом мохнатом коне // Тот в Польше разбил короля. // Победы, коварны оне, // Над прежним любимцем шая» [8, с. 70]. С этим же связана мысль об историческом возмездии: «России нет, не стало больше. // Её раздел рассёк, как Польшу» [8, с. 61]. Выражая своё заветное желание полного единения мира, такой частной собственности на землю, когда каждый имеет во владении не менее, чем земной шар, автор ясно понимает, что для этого необходима духовная свобода для всех и остро чувствует необходимость раскрепощения. Общие цели навсегда снимут проблему вражды и взаимного непонимания между Польшей и Россией. Поэтому с такой страстью поэт восклицает в стихотворении «Когда казак с высокой вышки...»: «Над нами иноземцев иго, // Возрощем, русские, возрощем! // Поймите, что узнётённые и мы – те ж!» [8, с. 51].

Признание самого факта органичного присутствия в творческом сознании В. Хлебникова Польши позволяет глубже и всестороннее понять некоторые его произведения. Так, героине известного стихотворения «Мария Вечора», несомненно, приданы черты гордой, страстной и свободолюбивой польки. Хотя в основе сюжета лежит история трагической любви эрцгерцога Рудольфа и румынской баронессы, само изменение имени на славянский лад (Вечера на Вечора) и поэтический контекст (в стихотворении «Гонимый – кем, почём я знаю?..», написанном в том же году, образ румынки, «дочери Дуная», сливается с песней «про прелесть польки» [8, с. 77]) довольно убедительно подтверждают этот вывод. Мария Вечора становится символом необычности и загадочности судьбы славянства.

Неразгаданной остаётся замечательная поэма В. Хлебникова «Марина Мнишек». Вряд ли можно согласиться с мнением Н. Л. Степанова, что поэт в этом произведении «обращается к истории в её традиционном понимании, без попыток видеть в событиях прошлого предвещение современности» [7, с. 404]. Сужает и невольно извращает смысл произведения М. Поляков. С его точки зрения, «сюжетную основу поэмы составляет отчаянное решение Самозванца добиться любви Марины ценой собственной гибели». «Исторический материал (пир у Мнишка), – по его словам, – имеет характер романтизированного стереотипа. Смерть во имя любви (Самозванец) и смерть во имя честолюбия (Марина Мнишек) – такова тема поэмы» [2, с. 27]. Не уделяет, к сожалению, должного внимания этой вещи, отмечая только её эпический характер, такой тонкий ценитель Хлебникова, как Р. В. Дуганов [1, с. 133]. Многие учёные не учитывают сложную природу ассоциативно-мифологического стиля поэта, а отсюда не замечают у В. Хлебникова внутренней полемики с концепцией А. С. Пушкина. Конечно, трудно не заметить, что сквозь текст поэмы В. Хлебникова как бы просвечивает текст пушкинского «Бориса Годунова». У патриарха русской поэзии мы, например, встретим пафосное высказывание Марины Мнишек: «Пока твоя нога // Не оперлась на тронные ступени, // Пока тобой не свержен Годунов, // Люб-

ви речей не буду слушать я» [5, с. 231], а у его преемника в XX веке более просто, по-домашнему, но с тем же смыслом: *«Пока я не московская царица, я говорю вам: до свиданья»* [8, с. 237]. У В. Хлебникова Марина горда и честолюбива, но не холодна и не рациональна, как у А. С. Пушкина, что передаётся соответствующей речевой характеристикой.

В системе ценностей В. Хлебникова на одном из первых мест естественность, не просто близость к природе, а «слиянность» с ней. А в каком состоянии человек сбрасывает с себя шелуху отпавшей от природы цивилизации? В состоянии неменяемости, когда эмоции, как в детстве, довлеют над рассудком. Ребёнок – сквозной образ в творчестве В. Хлебникова, символизирующий природное, истинно гуманное начало в человеке. Это тоже своеобразная мифологема, восходящая к библейской заповеди Христа: «Будьте, как дети». Желание Марины Мнишек стать русской царицей в этом произведении скорее детская прихоть, чем продуманный план. Трогательно и мило выглядит сцена её разговора с отцом: *«Вся раскрасневшись дочь прильнула // К усам отцовских седине // И, в шуме став с ним наедине, // Шепнула: “Тату! Тату! Я буду русская царица!” // Не верит и смеётся, // И смотрит ласково на дочку...»* [8, с. 238]. Марина противопоставлена своей сестре Урсуле, более прагматичной и замкнутой в семейном быте. В конце поэмы вновь возникает тема детства, связанная с гибелью сына Марины. Трогательно и жалобно звучит его голосок: *«Мамо! Мне хочется пить!»* [8, с. 244]. Трагически-безысходными оказываются вопросы Марины: *«Где сын мой? // Ты знаешь! – с крупными слезами, // С большими чёрными глазами, // – Ты знаешь, знаешь! Расскажи!»* И получает краткое в ответ: *«Кат зна!»* [8, с. 244]. Все симпатии автора и читателя, несомненно, на стороне героини. Поэт любит-ся Мариной, подчёркивает её гармоничное единство с природой:

Блошанку дева с плеч спускает
И тушит бледную свечу.
И слабо дышит, засыпает,
Доступна лунному лучу
Золотокудрой головой
И прочь простёртою рукой... [8, с. 239].

Её образ рисуется в фольклорно-поэтическом стиле: *«Ты снимала сапожок, одевала ножку скоро...»* – и мечтает она о высоком и прекрасном; о том, чтобы *«к её ногам красивым током, // Царицы белого плаща, // Упали юг, восток и север. // Везде затихнут мятежи... // Она примирит костёл с Востоком»* [8, с. 241].

В поэму включена сказочно красивая картина охоты. Но автор против насилия над природой, он на стороне *«матёрого кабана»* и *«нежной косули»* [8, с. 241], судьба которой символизирует судьбу Марины. У А. С. Пушкина судья всему происходящему – народ. У В. Хлебникова – природа. Именно она свидетель и судия поступков героев. И если планы Самозванца она воспринимает настороженно: *«Стояла ночь. Как полководцы // Стояли тихо тополя. // Смотрели в синие колодцы // Звезды, лучами шевеля»* [8, с. 240], то Марине природа сочувствует и сопереживает с ней. В её образе происходит

«очищение, высветление природной сущности», о котором в отношении героев других поэм В. Хлебникова пишет Р. В. Дуганов [1, с. 261].

Но беда в том, что Марина оказалась игрушкой разнородных, жестоких и эгоистичных сил. Как косули гибнут и русские девы, «рукой осязая трепетное сердце» [8, с. 242], и полька. Антиприродное начало несут в себе любители лёгкой наживы, ксендз, мечтающий о духовном подчинении России, король Владислав, который «повёл на битву племя людей суровых и усатых» [8, с. 242] и особенно Самозванец. Последний хочет стать кумиром, но даже «сопка извергает кумир» [8, с. 239]. «Стада кумирные людей» [8, с. 240] не могут победить стихию. Как «камень с изображением борьбы» [8, с. 240] только мнит, что он в движении, так и «самозванец мнит себя державой» [8, с. 240]. Самозванец-кумир-камень – эта ассоциативная цепочка несёт в себе, несомненно, отрицательный заряд. «В своём решении камня, // Он ходит, строг и нелюдим» [8, с. 240], – подчёркивает автор отчуждённость Самозванца от окружающего мира. «Камень-кумир» становится не просто метафорой, но своеобразной мифологемой, на которой строится глубинный смысл всего фрагмента. Поляков поэт называет «народом богатырей» [8, с. 243], но среди них есть «воду жечь охотники» [8, с. 243], творящие бессмысленные разрушения и насилие.

В поэме «Марина Мнишек» сталкиваются свой и чужой миры, «отчизна и чужбина». Русских людей, «святую чернь», дворян, бояр, «соединила к отчизне ревность» [8, с. 243], и они превозмогли «пыл нестерпимый иноверца» [8, с. 243]. В то же время в судьбе Марины Мнишек проявились нереализованные возможности единства славянских народов. В этом главная мысль произведения. Россия и Польша в творческом сознании В. Хлебникова имеют корневое духовное единство, и свободолюбивые воды Дона и Вислы текут в его стихах рядом.

Важно понять многоуровневую природу стиля В. Хлебникова, в которой звук, слово, образ, мысль, приобретая до известной степени самостоятельность, способны нести в себе черты мифологемы, чтобы затем воплотиться в особой стилевой системе, позволяющей проникать в сущностные пласты бытия.

На первом месте в произведениях В. Хлебникова миры, в которых запечатлён образ и самого певца. Оставаясь выдающимся русским поэтом и выражая национальную идею всеединства, В. Хлебников даёт слово полякам с их идеей свободы и независимости, способствуя взаимопониманию народов и преодолению накопленных в историческом времени обид и недоразумений. Для него, как и для А. С. Пушкина, спор славян между собою – это «домашний, старый спор» [4, с. 269].

Список литературы

1. Дуганов, Р. В. Велимир Хлебников. Природа творчества [Текст] / Р. В. Дуганов. – М. : Наука, 1990. – 336 с.
2. Поляков, М. Велимир Хлебников. Мироззрение и поэтика [Текст] / М. Поляков // Хлебников В. Творения. – М. : Худож. лит., 1987. – С. 5–35.

3. Потебня, А. А. Эстетика и поэтика [Текст] / А. А. Потебня. – М. : Искусство, 1976. – 614 с.
4. Пушкин, А. С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 2. Стихотворения 1817–1820 [Текст] / А. С. Пушкин. – М. : Худож. лит., 1974. – 685 с.
5. Пушкин, А. С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 4. Стихотворения и поэмы [Текст] / А. С. Пушкин. – М. : Худож. лит., 1975. – 519 с.
6. Соловьёв В. С. Литературная критика [Текст] / В. С. Соловьёв. – М. : Высшая школа, 1990. – 452 с.
7. Степанов, Н. Л. Велимир Хлебников. Жизнь и творчество [Текст] / Н. Л. Степанов. – М. : Советский писатель, 1975. – 404 с.
8. Хлебников Велимир. Творения [Текст] / В. Хлебников. – М. : Худож. лит., 1987. – 736 с.

THE RUSSIAN-POLISH DIALOGUE IN THE WORKS OF V. KHLEBNIKOV

V. A. Redkin

Tver State University

Department of philological foundations of the publishing and Documentation

The main feature of the Khlebnikov's artistic consciousness is his appearance to the Russian national-historical time and national space. But the national at Khlebnikov expands around the globe and includes the Roman Catholicism and Protestantism, Orthodoxy and paganism, Buddhism and Islam in the spiritual space. In this case, Polish culture is perceived by V. Khlebnikov as something very near and dear, so he includes Poland in his epic world, which has become one of the myths that allowed him assert Russian national idea of unity at various structural levels. Velimir Khlebnikov gives the word the Poles with their idea of freedom and independence promoting understanding among the peoples and the overcoming of accumulated historical time hurts and misunderstandings.

Key words: *Velimir Khlebnikov, Russian idea unity, Poland, the dialogue of cultures, freedom, independence, nature, history, Marina Mnishek*

Об авторах:

РЕДЬКИН Валерий Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологических основ издательского дела и документоведения Тверского государственного университета, e-mail: foiddid-red@rambler.ru, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33.